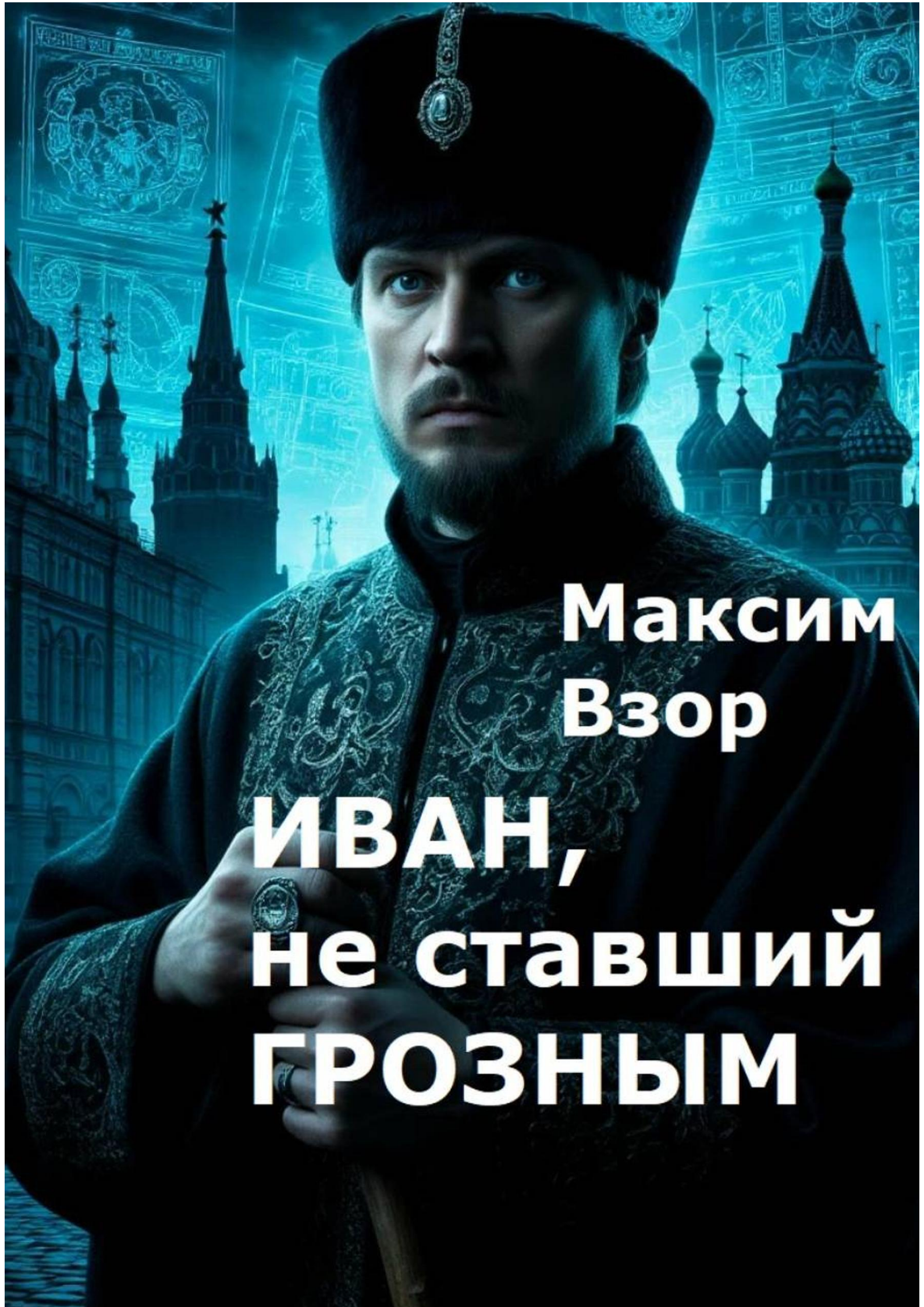

A movie poster for the Russian film 'Ivan, the Terrible'. The central figure is Maxim Vozor as Ivan the Terrible, wearing a dark fur hat with a silver ornament and a dark, patterned robe. He has a serious expression and is looking slightly to the right. The background is a blue-tinted image of the Moscow Kremlin, with the Spasskaya Tower and the walls visible. The text is in white, bold, sans-serif font, overlaid on the right side of the image.

**Максим
Взор**

**ИВАН,
не ставший
ГРОЗНЫМ**

Максим Взор

Иван, не ставший Грозным

«Автор»

2026

Взор М.

Иван, не ставший Грозным / М. Взор — «Автор», 2026

Что бы вы сделали, если бы оказались в теле человека, которому суждено стать величайшим чудовищем в истории? Студент-историк Михаил Соколов и его однокурсники находят в университетском архиве загадочную рукопись «Зерцало государей». Одно прикосновение к ней — и Михаил приходит в себя в чужом теле. Теперь он — шестнадцатилетний царь Иван IV. На дворе лето 1547 года, Москва ещё дымится после страшного пожара, а разъярённая толпа требует крови. Михаил знает, каким станет этот юноша. Подозрительным. Жестоким. Одиноким. Иваном Грозным. Вооружённый знаниями из XXI века, Михаил решает сломать фатум и переписать историю России. Он отменяет опричнину, создаёт земские суды, строит школы и спасает от смерти свою жену Анастасию. Но история не терпит, когда ей указывают...

© Взор М., 2026

© Автор, 2026

Максим Взор

Иван, не ставший Грозным

Глава 1. Лист без даты

В половине двенадцатого университетский архив начинал напоминать склеп.

Днём здесь ещё слышались голоса сотрудников, скрип тележек и недовольное покашливание посетителей. Ночью оставались только зеленоватые лампы, длинные ряды шкафов и равнодушное гудение вентиляции.

Михаил Соколов сидел над раскрытой описью и боролся со сном. На полях тетради теснились даты, стрелки и язвительные замечания, которые он собирался стереть перед сдачей работы.

«1547 — венчание на царство. Московское восстание. Пожары. Начало влияния Избранной рады».

Ниже он приписал:

«Хорошее начало семейной жизни».

— Ты опять разговариваешь с Иваном Грозным? — спросила Лиза Воронцова из-за соседнего стола.

— Я пытаюсь понять, в какой момент он решил, что страх — лучший способ управления.

— И как?

— Пока подозреваю, что он просто никогда не сдавал устный экзамен у Семёна Аркадьевича.

За шкафом кто-то тихо рассмеялся. В архиве находились девять студентов их курса. До защиты оставалось меньше месяца, и профессор Веденин добился для них разрешения работать с недавно найденной коллекцией до полуночи.

Коллекция принадлежала купеческой семье, чей дом снесли при реконструкции старого квартала. Среди счетов, писем и записных книжек обнаружилась рукопись без каталожного номера.

Книга лежала перед Михаилом.

Переплёт был тёмным, почти чёрным. На коже не осталось ни названия, ни орнамента. Бумага казалась слишком плотной для XVI века и слишком старой для поздней подделки.

Михаил осторожно перевернул страницу.

— Здесь водяных знаков нет, — сказал он.

— Уже записали, — отозвался Антон из дальнего конца зала.

— И нумерация странная. Сначала кириллическая, потом арабская. А дальше вообще пусто.

— Миша, сфотографируй и иди пить кофе. Ты начинаешь видеть заговор.

Он поднял лист к лампе.

На странице проступили едва заметные строки. Чернила словно выцвели не от времени, а по чьей-то воле. Михаил наклонился ниже.

Наверху стояло название:

«Зерцало государей русских».

Под ним следовал ряд имён. Большую часть разобрать не удалось. Бумага была повреждена, буквы расплывались, но в первой строке отчётливо читалось:

«Первым будет Иван».

— Лиза, подойди.

— Если там портрет твоего царя с подписью «я всё объясню», то я увольняюсь из историков.

Она подошла, поправляя очки.

— Видишь?

Лиза долго смотрела на лист.

— Вижу название.

— А ниже?

— Пятно.

— Здесь написано: «Первым будет Иван».

— Миша, там ничего нет.

Он провёл пальцем над строчкой, не касаясь бумаги. Буквы стали темнее.

За окнами что-то грохнуло. Не гром — небо оставалось чистым. Звук пришёл из самого здания, словно в подвале захлопнулась огромная железная дверь.

Лампы мигнули.

— Не трогай рукопись, — сказала Лиза.

Михаил и сам понимал, что не следует этого делать. Именно поэтому через секунду его указательный палец коснулся холодного листа.

Чернила растеклись.

На мгновение ему показалось, что слова поднялись с бумаги чёрным дымом. Архив исчез. Вместо шкафов возникли зубчатые стены, деревянные крыши и город, охваченный пламенем.

Кто-то закричал.

Михаил попытался отдернуть руку, но пальцы больше не слушались. У него перехватило дыхание, пол качнулся, а из темноты донёсся голос профессора Веденина:

— Отойдите от стола!

Было уже поздно.

Последнее, что увидел Михаил, — лицо Лизы. Она тянулась к нему, но между ними словно выросло огромное чёрное стекло.

Затем раздался звон.

Не электрический, не университетский. Тяжёлый, медный, раскатывающийся над деревянным городом.

Набат.

Михаил падал в его гул бесконечно долго.

Сознание вернулось вместе с болью.

Болела голова, спина, правая рука и почему-то челюсть. Во рту стоял привкус травяного отвара. Под щекой шуршал шёлк.

Михаил открыл глаза.

Над ним висел расшитый золотом полог.

— Государь? — прошептал женский голос.

Он повернул голову.

Рядом с постелью стояла молодая женщина в длинном платье. На её бледном лице смешались тревога и надежда. Волосы были скрыты под головным убором, на груди мерцали жемчужные нити.

За её спиной замерли бородатые мужчины.

Михаил посмотрел на собственные руки.

Они были чужими — узкими, бледными, с длинными пальцами. На правой руке блестел тяжёлый перстень.

— Государь, — повторила женщина, — Иван Васильевич, слышите ли меня?

Михаил закрыл глаза.

Потом открыл снова.

Ничего не изменилось.

— Какой сейчас год? — спросил он.

Люди у постели переглянулись.

А женщина побледнела ещё сильнее.

Глава 2. Тело государя

Вопрос оказался неправильным.

Михаил понял это по тишине.

Для современного человека спросить дату после потери сознания было естественно. Для государя, который должен знать хотя бы год собственного царствования, — опасно.

Один из бородатых мужчин сделал едва заметный знак другому. Вторым шагнул к двери.

Михаил заставил себя приподняться.

Комната качнулась. Вслед за ней качнулись лица, стены и маленькие языки пламени в лампадах. Он закрыл глаза, переждал приступ тошноты и сказал:

— После жара память мутна. Сколько дней миновало с великого пожара?

Слова прозвучали непривычно. Он собирался говорить на современном русском, но язык сам подобрал старые обороты.

Тело помнило.

Эта мысль оказалась страшнее всего.

— Восьмой день, государь, — ответила женщина. — Восьмой от бедствия.

Михаил пытался восстановить хронологию. Московский пожар 1547 года. Лето. Глинские. Восстание. Юного Ивана обвинят в том, что он отдал власть родичам матери. Толпа ворвётся в Кремль, убьёт Юрия Глинского, а затем явится в село Воробьёво, требуя выдать остальных.

Настоящий Иван прикажет схватить зачинщиков. Несколько казнят. Остальные разбегутся.

Позднее летописцы назовут эти события нравственным потрясением, после которого государь приблизит Адашева и Сильвестра и начнёт реформы.

Хорошая версия для учебника.

Только учебники редко объясняли, каково проснуться внутри этой версии.

Михаил снова посмотрел на женщину.

Если дата определена верно, перед ним Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева. Первая жена Ивана. Ей около семнадцати. В будущем её смерть станет одним из поворотных событий царствования. Иван решит, что царицу отравили. Подозрения окончательно разрушат его доверие к людям.

Но сейчас она была жива.

И держала его за руку.

От этого прикосновения в сознании вспыхнуло воспоминание, не принадлежавшее Михаилу: зимний собор, свет свечей, девушка с опущенными глазами, тепло её пальцев и почти детское облегчение юного царя, нашедшего рядом спокойного человека.

Михаил дёрнулся.

Анастасия отступила.

— Что с вами?

— Ничего.

— Лекарь сказал, что жар отступил.

— Пусть выйдут все.

Бородатые мужчины замялись.

— Все, кроме царицы, — добавил Михаил.

Приказ подействовал. Люди поклонились и один за другим покинули комнату. Последний задержался у двери, но под взглядом Михаила вышел и он.

Анастасия осталась.

— Кто были эти люди? — спросил Михаил.

Она долго смотрела на него.

— Вы испытываете меня?

— Хочу понять, насколько спутана память.

— Князь Михаил Иванович Воротынский, боярин Захарьин, лекарь Арнольф.

Имена цеплялись за знания, полученные на лекциях, но не складывались в надёжную картину. Специализацией Михаила была эпоха Ивана IV, однако даже специалист не помнил всех придворных, приказных людей и родственные связи.

Историк знал события.

Царь обязан был знать людей.

— Где мы?

— В Воробьёве.

Значит, он не ошибся.

Михаил откинулся на подушки и прикрыл лицо рукой. Под ладонью ощущалась короткая борода. Настоящему Ивану шестнадцать лет, но выглядел он старше своего возраста.

— Мне нужно зеркало.

Анастасия принесла небольшое зеркало в серебряной оправе.

Из мутного стекла на Михаила посмотрело узкое бледное лицо. Тяжёлый взгляд, плотно сжатые губы, высокий лоб. Не знаменитый портрет старого царя, а его ранняя, почти неузнаваемая версия.

Михаил коснулся щеки.

Отражение повторило движение.

— Господи, — выдохнул он.

Анастасия перекрестилась.

Он едва не сказал: «Я не это имел в виду», но вовремя остановился.

Снаружи послышался топот. Дверь распахнулась, и на пороге появился запыхавшийся человек в тёмном кафтане.

— Государь, к селу идут московские люди.

— Сколько?

— Многие сотни. Быть может, тысяча.

— Вооружены?

— Кто чем. Копья, рогатины, топоры. Кричат, чтобы выдали княгиню Анну и князя Михаила Глинских. Говорят, будто они Москву пожгли волхованием.

История пришла за ним.

Михаил опустил ноги на пол. Колени задрожали, но он заставил себя встать.

— Государь, вам нельзя, — сказала Анастасия.

— Если я останусь здесь, за меня решат другие.

Вошедший человек поклонился:

— Прикажете готовить стрельцов?

Перед внутренним взглядом Михаила возникла короткая строчка из учебника: «Мятеж был подавлен. Зачинщики казнены».

Всего несколько слов.

За каждым — человеческая жизнь.

— Нет, — сказал он. — Стрельцам не стрелять.

— Но, государь...

— Ворота не запирайте. Оружия без моего приказа не обнажать. Пусть выберут двенадцать человек и пришлют говорить со мной.

Посланник смотрел так, словно не понял услышанного.

— Исполни́й.

Когда дверь закрылась, Анастасия подошла ближе.

— Они могут вас убить.

— Могут.

— Тогда зачем вы выходите?

Михаил посмотрел на неё и неожиданно ясно понял, что правильного ответа у него нет.

Было лишь знание о том, что сделал настоящий Иван.

И страх сделать то же самое.

— Потому что если государь боится услышать людей, — сказал он, — однажды ему останется только убивать их.

Анастасия вздрогнула.

Михаил ещё не знал, что именно эта фраза заставит её первой заподозрить: из беспамятства вернулся не тот человек, который потерял сознание.

Глава 3. Москва в огне

Одежда весила как доспех.

Михаила облачили в длинный расшитый кафтан, застегнули ворот, надели сапоги и набросили на плечи лёгкое летнее опашень. Каждый предмет напоминал: он больше не студент, который мог выйти из аудитории, если спор становился неприятным.

На него смотрели.

Слуги следили, правильно ли государь протягивает руки. Бояре замечали, кому он кивнул первым. Даже молчание здесь имело значение.

Пока его одевали, Михаил пытался вызвать чужие воспоминания. Они приходили вспышками. Имя слуги. Расположение лестницы. Запах кремлёвских палат. Резкий голос покойной матери. Чужая ладонь, схватившая мальчика за подбородок.

Вместе с памятью поднималась ярость.

Она не принадлежала Михаилу — и всё же жила в нём.

Ему захотелось ударить слугу, слишком сильно затянувшего пояс. Желание возникло мгновенно, без причины, как телесный рефлекс.

Михаил отступил.

— Простите, государь, — испугался слуга.

— Не затягивай так сильно.

Собственный голос показался ему хриплым.

Во дворе резиденции выстроились вооружённые люди. Одни держали пищали, другие — копья. За стеной нарастал гул.

— Оружие опустить, — приказал Михаил.

Воевода шагнул вперёд:

— Государь, они убили князя Юрия Васильевича. В храме убили. Тело по улицам владчили. С такими речами не ведут.

Михаил знал об убийстве Юрия Глинского, но известие всё равно потрясло его. Исторический факт впервые прозвучал не как строка в книге.

— Именно поэтому и надо говорить, — ответил он.

— Они понимают только силу.

— Все так говорят перед тем, как сила перестаёт им повиноваться.

Воевода нахмурился, но спорить не решился.

Ворота открылись.

За ними стояла толпа.

Михаил увидел обожжённые лица, грязную одежду, перевязанные руки. Некоторые люди лишились домов. Кто-то потерял родственников. Они пришли не из отвлечённой «истории». Каждый нёс собственную боль и хотел дать этой боли имя.

Глинские.

Царь.

Виновные.

— Государь! — крикнул кто-то. — Выдай злодеев!

Толпа подхватила требование.

Михаилу захотелось отступить. Тело Ивана ответило иначе: спина выпрямилась, подбородок поднялся. В памяти мелькнуло ощущение абсолютного превосходства над всеми людьми перед ним.

«Они твои», — словно сказал внутренний голос.

Михаил сжал пальцы.

Нет. Не мои.

— Выберите двенадцать человек! — крикнул он.

Гул не стих.

— Двенадцать! От улиц, слобод и торговых рядов! Остальные будут свидетелями нашего разговора.

Кто-то засмеялся:

— Бояре его научили!

— Бояр рядом со мной нет, — ответил Михаил. — А если считаете, что государь говорит чужими словами, подойдите и скажите это в лицо.

Смех прекратился.

Двенадцать человек выбирали долго. Они спорили, толкались, не доверяли друг другу. Наконец вперёд вышли ремесленники, торговцы, двое пожилых посадских людей и молодой парень с перевязанным плечом.

— Имена ваши запишут, — сказал Михаил.

— Чтобы после сыскать? — спросил парень.

— Чтобы никто не подменил ваших слов.

По толпе прошёл ропот.

Михаил приказал вынести стол, чернила и бумагу. Два дьяка сели прямо во дворе.

— Говорите, в чём обвиняете Глинских.

Первым заговорил пожилой мастер:

— Москву пожгли они. Княгиня Анна вынимала сердца человеческие, клала в воду и той водой город кропила.

Михаил почувствовал, как все взгляды обращаются к нему. От государя ждали либо согласия, либо кары за дерзость.

— Кто видел это своими глазами?

Мастер замолчал.

— Мне рассказывали.

— Кто?

— Люди.

— Какие?

Мастер обернулся. Толпа за его спиной вдруг стала безликой.

— Запишите, — велел Михаил. — Свидетель лично не видел. Слышал от неизвестных людей.

Второй обвинитель утверждал, будто слуги Глинских разносили огонь. Третий слышал, что князь Михаил заранее отправил ценности из дома. Четвёртый видел подозрительного человека с факелом, но в темноте не разглядел лица.

Постепенно крики стихали.

Михаил не оправдывал Глинских. Он спрашивал.

Где?

Когда?

Кто видел?

Может ли подтвердить?

Простые вопросы действовали лучше угроз.

Наконец вперёд вышла женщина в обгоревшем платке. На руках она держала маленького мальчика.

— А кто ответит за наших мёртвых? — спросила она. — Коли не Глинские, то кто?

Михаил посмотрел на ребёнка. Тот спал, прижавшись лицом к материнскому плечу.

— Я отвечу, — сказал Михаил.

Воевода резко повернулся к нему.

— Не за то, что поджжёт Москву. За то, что Москва оказалась неспособна пережить пожар. За тесные улицы. За деревянные кровли. За отсутствие воды и порядка. Это вина государевой власти.

Он произнёс слова и понял, что назад пути нет.

Цари не признавали вину перед толпой.

По крайней мере, тот царь, чьё тело он занимал, не должен был этого делать.

— Через семь дней в Москве начнётся разбор пожара, — продолжил Михаил. — Каждый сможет дать показания. Слова запишут. Тех, кто грабил и убивал, будут судить. Но без доказанной вины никто не будет казнён.

— А Глинские? — крикнули из толпы.

— Предстанут перед разбором, как прочие.

— И княгиня?

— И княгиня.

Это обещание могло стоить ему поддержки родственников. Михаил понимал это даже без чужой памяти.

Но толпа начала расходиться.

Не сразу. Неохотно. Люди ещё выкрикивали угрозы, спорили и требовали выдать виновных. Однако общего движения к воротам больше не было.

Когда последние группы отошли от стен, воевода выдохнул:

— Сегодня Господь отвёл беду.

Михаил посмотрел на исписанные листы.

— Нет. Сегодня её просто отложили.

Дьяк поднял голову:

— Что прикажете делать с речами московских людей?

— Переписать начисто. В трёх списках.

— Зачем в трёх?

— Один оставить здесь. Второй отправить в Москву. Третий хранить отдельно.

— От кого отдельно?

Михаил вспомнил архив, чёрную рукопись и проступившие на бумаге слова.

— От всех, — ответил он.

Глава 4. Государь выходит к народу

После ухода толпы Михаила начало трясти.

Он успел вернуться в комнату и закрыть дверь прежде, чем ноги перестали держать его. Сел прямо на пол, прислонился к стене и долго смотрел на свои руки.

Юноша, чьё тело он занимал, обладал властью, которой не должен был обладать ни один шестнадцатилетний человек.

Одно слово — и стрельцы открыли бы огонь.

Ещё одно — и дьяки придумали бы законное объяснение.

Через год в летописи осталось бы несколько строк о смутьянах, дерзнувших угрожать помазанному государю.

Михаил представил, как легко было бы к этому привыкнуть.

Дверь тихо открылась. Вошла Анастасия.

— Вы ранены?

— Нет.

Она остановилась, увидев царя на полу.

— Позвать лекаря?

— Не надо.

— Тогда встаньте. Если вас таким увидят, к вечеру половина двора решит, что государя околдовали.

Михаил невольно рассмеялся.

— Разумное замечание.

Она протянула ему руку. Он поднялся и сел на лавку.

Анастасия налила воды. Михаил сделал несколько глотков и спросил:

— Каким я был вчера?

Чаша дрогнула в её руке.

— Что вы хотите услышать?

— Правду.

— Государям редко говорят правду.

— Поэтому я и спрашиваю тебя.

Она долго молчала.

— Вы были в гневе. Велели привести коней. Хотели ехать в Москву и наказать убийц князя Юрия. Потом у вас начался жар.

Настоящий Иван собирался мстить.

Перенос произошёл именно тогда, когда решение ещё не было принято окончательно.

— А прежде?

— Прежде чего?

— Пожара. Венчания. Нашей свадьбы. Каким я был?

Анастасия опустила глаза.

— Разным.

Это слово испугало Михаила сильнее прямого обвинения.

— Иногда добрым, — продолжила она. — Иногда весёлым. Вы любили слушать книги. Могли помнить слово, сказанное много месяцев назад. Но если вам казалось, что над вами смеются...

Она замолчала.

Чужая память услужливо показала мальчишек, сбрасывавших собак с высокого крыльца. Крики животных. Восторг от того, что никто не смеет остановить царственного ребёнка.

Михаила затошнило.

— Я причинял тебе зло?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

— Анастасия.

Она впервые посмотрела ему прямо в глаза.

— Вы никогда не поднимали на меня руку. Но порой я боялась, что однажды вы перестанете различать обиду и измену.

Михаил закрыл лицо ладонями.

Знания историка не помогали. Он представлял Ивана IV набором событий и решений: Судебник, Казань, опричнина, походы, казни, убийство сына. Теперь приходилось жить внутри

человека, для которого жестокость ещё не стала судьбой, но уже была привычной возможностью.

— Сегодня вы были другим, — сказала Анастасия.

— После жара многое изменилось.

— Человек может изменить речь. Может забыть имя. Но он не начинает за одну ночь смотреть на людей иначе.

Михаил поднял голову.

Она догадалась.

Не обо всём — такое невозможно было предположить. Но она видела подмену яснее придворных.

Можно было солгать. Объявить её слова дерзостью. Приказать молчать.

Тело подсказало именно этот путь.

— Я не могу объяснить, — сказал Михаил. — Пока не могу. Но если ты спрашиваешь, тот ли я человек, что был до болезни... Нет. Уже не тот.

— Кто же вы?

— Человек, который знает, чем может стать Иван Васильевич.

Анастасия отступила на шаг.

— Вы говорите о себе в третьем лице.

— Потому что мне легче думать о нём как о другом.

Это была почти правда.

Михаил подошёл к окну. За резиденцией темнели поля, а далеко на горизонте висело серое облако — дым над Москвой.

— Впереди будет много смертей, — сказал он. — Сначала чужих, потом близких. Страх станет важнее закона. Подозрение — важнее доказательств. Если ничего не изменить, Иван останется один и возненавидит всех, кто напомнит ему об этом одиночестве.

— Откуда вы знаете?

— Считай, что увидел дурной сон.

— Сны не заставляют царя просить народ выбрать двенадцать представителей.

— Этот заставил.

Анастасия подошла к окну и встала рядом.

— Что вы намерены делать?

— Менять всё, что смогу.

— Государство нельзя перестроить, как сгоревший дом.

— Дом начинают с чертежа.

— А если бояре решат, что чертёж им невыгоден?

— Тогда мне понадобится человек, который будет говорить, когда я ошибаюсь.

Она повернулась к нему.

— Таких людей государи не любят.

— Поэтому я могу однажды попытаться заставить тебя замолчать.

Анастасия побледнела.

— И что мне делать тогда?

— Напомнить об этом разговоре.

Он снял с пальца небольшой перстень. Не царскую печать — другой, проще. Положил на подоконник между ними.

— Если я прикажу казнить человека без суда, верни мне это кольцо. Если начну видеть измену в каждом несогласии — тоже. Это будет означать, что я превращаюсь в того человека из моего сна.

Анастасия взяла перстень.

— А если вы не пожелаете слушать?

Михаил посмотрел на далёкий дым.

— Тогда, боюсь, России снова достанется Иван Грозный.

Глава 5. Суд без дыбы

Разбор московского пожара начали не через семь дней, а через десять.

Три дня ушли на возвращение в столицу. Два — на поиск помещения, не повреждённого огнём. Остальное время бояре спорили, можно ли допускать простых людей к государеву расследованию.

— Они станут лгать, — уверял князь Палецкий.

— Бояре тоже лгут, — ответил Михаил.

В палате стало тихо.

Он ещё не научился правильно разговаривать с знатью. Современная прямота звучала здесь почти как оскорбление.

— Я хотел сказать, — поправился Михаил, — что происхождение не делает свидетельство истинным. И не делает ложным.

По правую руку от него сидел Алексей Адашев.

Михаил узнал его не сразу. В памяти будущих поколений Адашев выглядел зрелым советником, одним из главных деятелей Избранной рады. Сейчас перед царём находился молодой служилый человек, внимательный и внешне спокойный.

Он почти не говорил.

Зато всё замечал.

В центре палаты стоял первый обвиняемый — слуга одного из домов Глинских. Его звали Фёдор. Он был так напуган, что не мог удержать руки неподвижно.

— Его надлежит испытать, — сказал князь Палецкий. — Тогда поведает правду.

Михаил знал, что означает «испытать».

— Нет.

— Государь, без пытки такие люди не сознаются.

— А с пыткой сознаются во всём, что им велят.

Несколько бояр обменялись взглядами.

— Привести первого свидетеля, — приказал Михаил.

Свидетель утверждал, что видел Фёдора с горящим пучком соломы. На вопрос о времени он ответил неопределённо. На вопрос о месте назвал улицу, которая, согласно собранным сведениям, к тому часу уже выгорела.

— Может, он пришёл туда позднее, — предположил Палецкий.

— Зачем поджигать сгоревшую улицу?

Князь промолчал.

Второй свидетель слышал признание от соседа. Сосед ссылаясь на своего родственника. Родственника найти не удалось.

Дьяки записывали каждое слово.

Михаил велел читать записи вслух, чтобы свидетели могли подтвердить или исправить сказанное. Для людей XVI века это оказалось непривычным. Они привыкли, что писец фиксирует не разговор, а его официально удобную версию.

— Государь, — тихо сказал Адашев, — если записывать все речи, разбор затянется на месяцы.

— Зато через месяц мы будем знать больше, чем сегодня.

— Или утонем в бумаге.

— Тогда заведём больше дьяков.

В уголках губ Адашева мелькнула улыбка.

К вечеру выяснилось, что доказательств намеренного поджога нет. Москва сгорела из-за жары, ветра, деревянной застройки и множества отдельных возгораний. Во время бедствия

люди видели горящие головни, летевшие над крышами, и принимали их за работу поджигателей.

Михаил не оправдал Глинских полностью. Их слуги пользовались властью, собирали незаконные поборы и отнимали имущество. Но пожар они, насколько можно было установить, не устраивали.

— Что будет со мной? — спросил Фёдор.

— По обвинению в поджоге ты свободен.

Человек упал на колени.

— Встать, — сказал Михаил. — За тобой остаются другие обвинения. Их рассмотрят отдельно.

После заседания бояре разошлись недовольные. Адашев остался.

— Вы желали говорить? — спросил Михаил.

— Желаю понять.

— Что именно?

— Зачем вам всё это.

— Чтобы невиновных не казнили.

— Государь, невиновность — слово скользкое. Каждый скажет, что невиновен.

— Потому и нужны доказательства.

— А если доказательства станут искать против людей, полезных государству?

— Особенно против них.

Адашев посмотрел на царя с откровенным недоверием.

— До пожара вы рассуждали иначе.

Снова тот же вопрос, который уже задала Анастасия.

— До пожара я считал, что власть делает человека правым.

— А теперь?

— Теперь думаю, что она только позволяет дольше скрывать ошибки.

Адашев подошёл к столу и просмотрел листы с показаниями.

— Из этих бумаг можно составить порядок для будущих разборов.

— Составьте.

— Я?

— Вы заметили недостатки быстрее других.

— За такую службу меня возненавидят многие.

— Значит, назначим вам помощников. Пусть ненависть распределяется равномерно.

На этот раз Адашев улыбнулся открыто.

— Как назвать новый порядок?

Михаил задумался.

Слово «процессуальный кодекс» пришлось бы объяснять до утра.

— Уложение о розыске и суде, — сказал он. — Запишите прежде всего: человек должет Совет собрали в небольшой кремлёвской палате.

Михаил сознательно отказался от парадного зала. Там сама обстановка превращала разговор в церемонию: государь говорил, остальные соглашались. Ему требовалось место, где люди могли спорить.

Пришли Алексей Адашев, протопоп Сильвестр, дьяк Иван Висковатый, князь Воротынский, двое представителей московского посада и мастер-плотник, участвовавший в разборе сгоревших улиц.

Последний вошёл так осторожно, словно ожидал, что его немедленно арестуют.

— Садитесь, — сказал Михаил.

Никто не сел.

— Это приказ.

Присутствующие заняли лавки. Бояре старались не смотреть на посадских. Посадские не знали, куда девать руки.

На столе лежал план Москвы. Его составили по распоряжению Михаила на основании старых описей и рассказов жителей. Получилась приблизительная схема, но она позволяла увидеть главное: улицы были слишком узкими, дома стояли вплотную, колодцев не хватало.

— Москва сгорит снова, — начал Михаил.

Князь Воротынский нахмурился:

— Не призывайте беду, государь.

— Беда не спрашивает, призывают ли её. Если восстановить город прежним, достаточно сухого лета и одной искры.

Мастер-плотник робко кивнул.

— Что предлагаешь? — спросил Михаил.

Человек растерялся:

— Мне?

— Ты строишь дома. Значит, знаешь о них больше сидящих здесь князей.

Бояре напряглись.

— Проходы надобны шире, — сказал мастер. — И чтоб кровли не всюду деревянные. Только тёс дешевле камня. Люди каменную кровлю не потянут.

— А если государство даст кирпич в долг?

Мастер задумался.

— Тогда можно. Ещё колодцы надобно ставить не по дворам знатных людей, а по улицам.

Дьяк начал записывать.

— Первое решение, — сказал Михаил. — Составить правила восстановления Москвы. Определить ширину главных улиц. Между большими дворами оставлять противопожарные разрывы. Создать общественные колодцы и запасы багров, вёдер и топоров.

— Кто оплатит? — спросил Висковатый.

— Часть казна, часть город.

— Казна после пожара истощена.

— Значит, узнаем, сколько в ней денег.

Эта фраза вызвала более сильное беспокойство, чем противопожарные правила.

— Государь, казённые книги ведутся, — осторожно заметил дьяк.

— Я хочу видеть общий счёт: что собрано, что потрачено, что хранится и что должны получить.

— Такого счёта нет.

— Будет.

Сильвестр внимательно наблюдал за Михаилом.

— Человек может сосчитать монеты, государь. Но нельзя одной мерой измерить всякое дело.

— Согласен. Поэтому начнём с того, что измерить можно.

Михаил положил на стол второй лист.

— Второе решение. Учредить Приказ государевых жалоб. Дважды в неделю принимать письменные и устные прошения на действия наместников, судей и сборщиков.

— Жалоб будут тысячи, — сказал Адашев.

— Значит, узнаем, на что жалуются тысячи людей.

— Половина окажется ложной.

— Значит, половина окажется правдивой.

Князь Воротынский покачал головой:

— Вы дадите черни надежду судиться со знатными. Они перестанут знать своё место.

Тело Ивана отозвалось вспышкой гнева.

Михаил увидел, как легко мог бы унижить князя. Одной фразой напомнить, кто здесь царь. Заставить его встать на колени.

Он сделал медленный вдох.

— Их место там, где определяет закон, — сказал Михаил. — Как и наше.

— Боярин и ремесленник не могут отвечать перед одним судом.

— За разные обязанности — по-разному. За одинаковое преступление — одинаково.

Тишина стала почти осязаемой.

Адашев первым нарушил её:

— Если мы запишем такое правило, придётся менять весь Судебник.

— Поэтому это третье решение. Готовить новый Судебник.

— За какой срок?

— За два года.

— Это невозможно.

— Тогда за три.

— Я имел в виду не срок.

Михаил улыбнулся:

— Знаю.

Он перечислил основные положения. Письменное обвинение. Запись показаний. Учёт заключённых. Ответственность судей за взятки. Право местных людей сообщать о злоупотреблениях наместников.

Чем дольше он говорил, тем мрачнее становились лица части советников.

Наконец поднялся Сильвестр.

— Государь желает справедливости. Намерение благое. Но слишком быстрые перемены рождают страх. А страх рождает сопротивление.

— Что предлагаете?

— Менять людей прежде порядков.

— Я боюсь, что моей жизни на это не хватит.

— Тогда меняйте и тех и другие, но не думайте, что бумага сильнее человеческой жадности.

— Не думаю. Бумага только помогает назвать жадность преступлением.

Сильвестр склонил голову.

— В таком случае я помогу вам.

Адашев посмотрел на него, затем на царя.

— И я.

Висковатый взял чистый лист.

— Как назвать сегодняшний совет?

Михаил чуть не сказал «рабочая группа». Удержался.

— Никак. Пока это люди, собранные для дела.

— Но в записях надобно поставить заголовок.

— Напишите: «Совет о восстановлении государства».

Дьяк обмакнул перо в чернила.

В этот момент открылась дверь. В палату вошёл молодой слуга с небольшим свёртком.

— Что там? — спросил Михаил.

— Нашли при разборе царских вещей, государь. Сказали передать вам лично.

Внутри свёртка лежал обгоревший кусок бумаги.

Михаил сразу узнал страницу из «Зерцала государей». Ту самую рукопись он видел в университетском архиве.

На одной стороне проступали старые буквы. На другой современным почерком было написано:

«Историю нельзя изменить бесплатно».

Ниже стояла дата.

Двадцать первое июня 1547 года.

День, который наступит завтра.

Михаил поднял голову.

— Кто принёс эту бумагу?

— Не ведаю, государь. Свёрток лежал у дверей.

— Найдите человека.

Слуга поклонился и выбежал.

Советники ждали объяснений.

Михаил медленно сложил обгоревший лист и спрятал его в рукав.

— На сегодня всё, — сказал он. — Завтра начнём заново строить Москву.

Один за другим советники покинули палату. Последним задержался Адашев.

— На листе была угроза?

— Предупреждение.

— От кого?

Михаил посмотрел на закрывшуюся дверь.

— От человека, который знает будущее.

Адашев решил, что государь говорит образно. Поклонился и вышел.

Оставшись один, Михаил подошёл к окну. Внизу, среди обгоревших улиц, двигались тысячи людей. Они разбирали завалы, искали уцелевшие вещи, ставили временные жилища и хоронили погибших.

В университете история представлялась дорогой, уже проложенной из прошлого в настоящее.

Теперь Михаил видел другое.

История была огромным городом после пожара.

Её можно было построить заново.

Но прежде следовало выяснить, кто собирается поджечь её снова.

Глава 6. Царица

Вода в серебряном тазу была ледяной, но Михаил не чувствовал холода. Он плескал её в лицо снова и снова, пытаясь смыть не грязь, а липкое, удушающее ощущение чужой кожи. Капли стекали по подбородку, падали на расшитый золотыми нитями ворот рубахи, но слуги, стоявшие у дверей с полотенцами из грубого холста, не смели приблизиться без приказа.

— Уйдите, — хрипло бросил он, не оборачиваясь.

Двери тихо затворились. В просторной, сумрачной палате, освещенной лишь трепетным огнем нескольких лампад и тусклым светом луны, пробивающимся сквозь слюдяные окна, осталась только тишина. И она была невыносимой. В университетском архиве тишина пахла пылью и старой бумагой. Здесь она пахла ладаном, воском, сырым деревом и едва уловимым, сладковатым запахом лекарств, которым поили государя во время жара.

Михаил уперся руками в края тяжелого дубового стола. Дерево было гладким, отполированным поколениями царских ладоней. Он закрыл глаза, и тут же перед мысленным взором вспыхнули образы, не принадлежащие ему: запах конского пота, хруст снега под копытами, дикий, животный восторг от загнанного оленя, и — хуже всего — тошнотворное, липкое чувство вседозволенности, когда ты знаешь, что за любой твой каприз кого-то могут избить плетью.

Это были воспоминания Ивана. Они не приходили как мысли, они приходили как рефлекс. Тело помнило то, что разум Михаила отвергал. Шестнадцатилетний организм, переполненный гормонами и не знающий границ, требовал действия, агрессии, доминирования.

Михаилу приходилось тратить колоссальные усилия воли, чтобы просто стоять ровно и не сжать кулаки, когда кто-то из придворных смотрел на него с плохо скрытым сомнением.

Дверь скрипнула. Михаил вздрогнул и резко обернулся, инстинктивно отступая на шаг. Движение было слишком быстрым, слишком резким для изможденного болезнью царя.

На пороге стояла Анастасия.

Она сменила тяжелое парчовое платье на более простой, домашний сарафан из темного шелка. Волосы, скрытые под легким повоем, казались еще темнее в полумраке. В руках она держала глиняную кружку, от которой поднимался тонкий дымок.

— Я велел всем уйти, — сказал Михаил, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Я не «все», — тихо ответила она, делая шаг внутрь и закрывая за собой дверь. — Я твоя жена, Иван. Или ты и это забыл в своем горячечном сне?

Михаил посмотрел на нее. В учебниках истории Анастасия Романовна Захарьина-Юрьева оставалась бледной тенью, идеализированным образом кроткой и богобоязненной женщины, чья ранняя смерть сломала первого русского царя. Но сейчас перед ним стояла не тень. Перед ним стояла девушка, которая выросла в условиях жестокой боярской грызни, которая видела, как её родственников унижают, и которая умела выживать, молча наблюдая и запоминая. В её глазах, темных и глубоких, не было страха. Была настороженность.

— Я ничего не забыл, Настя, — сказал он, используя имя, которое подсказала ему чужая память, вспыхнувшая где-то в глубине сознания теплым, почти детским чувством привязанности. — Но мне нужно было побыть одному.

Она подошла ближе и поставила кружку на стол.

— Пей. Это отвар на меду и травах. Лекарь Арнольф сказал, что он успокоит сердцебиение. После совета на крыльце оно у тебя колотилось так, что было слышно сквозь кафтан.

Михаил взял кружку. Глина обжигала пальцы. Он сделал глоток. Отвар был горьким, с привкусом полыни и мяты.

— Ты сегодня говорил с людьми так, словно не боялся, что они разорвут тебя на куски, — произнесла Анастасия, не сводя с него глаз. — Ты смотрел на бояр так, словно видел их насквозь. А на меня... На меня ты смотрел так, словно видел меня впервые.

Михаил поставил кружку. Он знал, что врать ей бесполезно. Она была слишком умна, а он — слишком плохим актером. К тому же, ему нужен был союзник. Один-единственный человек в этом огромном, чужом и враждебном мире, которому он мог бы доверять. Но как объяснить необъяснимое? Как сказать женщине шестнадцатого века, что её муж умер, а его тело занял призрак из будущего, который знает день её смерти?

— Ты спрашивала, кто я, — медленно начал Михаил, подбирая слова, которые могли бы прозвучать понятно в эту эпоху. — Помнишь, в Воробьёве я сказал, что видел дурной сон?

— Ты сказал, что это был не просто сон.

— Это было... видение, — он запнулся, ища подходящую метафору. — Представь, что ты стоишь на берегу быстрой реки. Ты видишь, как вода несется мимо, разбивается о камни, уносит щепки. И вдруг ты понимаешь, что ты не на берегу. Ты — в воде. И течение несет тебя прямо к водопаду. Ты видишь, как другие тонут, как их разбивает о камни, но ты ничего не можешь сделать, потому что ты часть этой воды.

Анастасия слушала, не перебивая, её лицо было неподвижным, только пальцы нервно перебирали край рукава.

— Во время жара, — продолжил Михаил, глядя в темное окно, где отражался его чужой силуэт, — я словно выпал из реки. Я оказался на берегу. И я увидел весь путь этой воды. От истока и до самого конца. Я увидел, чем всё закончится, Настя. Я увидел Москву, залитую кровью. Я увидел людей, которых я казню по подозрению. Я видел, как я схожу с ума от страха и одиночества. Я видел... тебя.

Голос его дрогнул. Чужая память, память Ивана, отозвалась острой, пронзительной болью в груди, от которой перехватило дыхание. Это была не его боль, но она была настолько реальной, что Михаил невольно прижал руку к сердцу.

— Меня? — тихо переспросила Анастасия. — Что ты видел?

— Твою смерть, — выдохнул он. Слова упали в тишине палаты, как тяжелые камни. — Я видел, как ты уходишь. И я видел, что эта смерть убивает не только тебя. Она убивает всё человеческое во мне. После тебя остается только зверь. Зверь, который носит корону и убивает всех, кто попадает на глаза, потому что боится, что его предадут.

Анастасия побледнела. В свете лампы её лицо казалось высеченным из мрамора. Она медленно опустилась на лавку, словно ноги перестали её держать. В шестнадцатом веке смерть была частой гостьей, но услышать о своей собственной кончине из уст мужа, да еще и в таком контексте, было испытанием, к которому невозможно подготовиться.

— Господь милостив, — прошептала она, машинально касаясь нательного креста. — Но если ты это видел... значит, это воля Божья?

— Нет, — твердо сказал Михаил, поворачиваясь к ней. — Если бы это было волей Божьей, мне бы не дали это увидеть. Видение — это не приговор. Это предупреждение. Это шанс изменить течение реки.

Он подошел к ней и опустился на колени. Это движение далось ему трудно — тело Ивана, привыкшее к тому, что перед ним падают ниц, сопротивлялось, мышцы спины напряглись от оскорбленной гордыни. Но Михаил заставил себя. Он взял её холодные руки в свои.

— Я не тот Иван, которого ты знала, Настя. Тот Иван остался в горячке. Он мог бы стать великим, но страх и власть сожрали бы его душу. Я... я человек, который знает, как спасти тебя. И как спасти Россию от него. Но я не смогу сделать это один. Мне нужно зеркало.

— Зеркало? — растерянно переспросила она.

— Да. Зерцало. Человек, который будет смотреть на меня и говорить правду. Если я начну поступать как тот, из моего видения... если я начну кричать, подозревать, требовать крови... ты должна остановить меня.

Он вспомнил кольцо, которое отдал ей в Воробьёве.

— Помнишь уговор? Если я прикажу казнить без суда, если я увижу измену там, где её нет, ты вернешь мне кольцо. И это будет знаком, что я проиграл. Что зверь проснулся.

Анастасия долго смотрела на него. В её глазах боролись страх, недоверие и зарождающаяся надежда. Она видела перед собой своего мужа, его лицо, его руки, но за его плечами стояла чужая, непостижимая мудрость, которой не могло быть у шестнадцатилетнего юноши.

— Ты говоришь странные речи, государь, — наконец сказала она, и в её голосе впервые за вечер прозвучала твердость. — Ты говоришь о реках и зеркалах, о зверях и видениях. Бояре скажут, что в тебя вселился бес. Сильвестр скажет, что тебя нужно отчитывать.

— Пусть говорят, — усмехнулся Михаил. — Но ты-то что скажешь?

Она медленно высвободила одну руку и коснулась его щеки. Её ладонь была прохладной и мягкой. От этого прикосновения в сознании Михаила снова вспыхнула чужая память: зимний вечер, тепло печи, смех, ощущение абсолютного покоя. Он закрыл глаза, позволяя этому чувству на мгновение затопить себя. Это была любовь Ивана. И она была настоящей.

— Я скажу, что мой муж вернулся из могилы, — тихо произнесла Анастасия. — И что он принес с собой страшную ношу. Я не понимаю твоих слов о будущем. Я не знаю, как ты можешь знать то, чего еще не было. Но я вижу твои глаза. В них нет безумия. В них только огромная, невыносимая боль.

Она наклонилась и поцеловала его в лоб.

— Я буду твоим зеркалом, Иван. Я буду напоминать тебе, кто ты есть на самом деле. Но обещаю тебе одно.

— Что?

— Обещай, что ты не станешь бояться меня. Если ты начнешь бояться тех, кто тебя любит, ты станешь тем зверем, о котором говорил.

Михаил открыл глаза и посмотрел на свою жену. В этот момент он понял, что самая большая опасность для него исходит не от бояр, не от иностранных послов и не от таинственного автора записок. Самая большая опасность — это он сам. И единственная защита от неё сидит сейчас перед ним, сжимая его руку.

— Обещаю, — сказал он.

Они просидели так еще долго, пока свечи не догорели до самого основания, и луна не ушла из окна, оставив палату в полной темноте. Михаил не знал, уснет ли он сегодня. Но впервые с момента переноса он почувствовал, что он не один в этом чужом времени. У него был союзник. И этого было достаточно, чтобы начать войну с историей.

Глава 7. Список будущих бед

Утро в Кремле начиналось не с пения петухов, а с гула колоколов. Звон плыл над деревянными крышами, отражался от стен Китай-города и проникал сквозь толстые слюдяные окна царских покоев, требуя от мира пробуждения и молитвы.

Михаил проснулся до того, как первый луч солнца коснулся пола. Тело Ивана было отдохнувшим, полным сил, но разум Михаила ощущал себя так, словно он не спал вовсе, а всю ночь разгружал телеги с камнями. Он лежал, глядя в расписной потолок, и пытался структурировать хаос в своей голове.

Знания студента-историка были обширными, но они были знаниями наблюдателя. Он знал даты, причины и следствия, читал монографии и спорил на семинарах о природе опричнины. Но теперь ему требовались знания созидателя. Ему нужна была карта минного поля, на которое он только что ступил.

Он сбросил тяжелое одеяло, накинул халат и подошел к массивному дубовому столу в углу палаты. Это было его новое рабочее место, заменившее ему привычный стол в университетской библиотеке. Здесь не было ноутбука, электричества и бесконечных баз данных. Здесь были только стопки плотной, шершавой бумаги, чернильница из рога и гусиные перья.

Михаил обмакнул перо. Чернила были густыми, пахли железом и дубовой корой. Он придвинул к себе чистый лист и замер. С чего начать?

В университете он писал курсовые, выстраивая логические цепочки. Здесь ему предстояло выстроить цепочку выживания. Он решил использовать метод, который казался бы любому современнику ересью или безумием: он начал рисовать схемы, стрелки, блоки, создавая визуальную карту истории, которую ему предстояло сломать.

В верхнем левом углу он написал крупными, четкими буквами: 1547. Пожар. Бунт. Это уже случилось. Это точка отсчета. Точка, где он перехватил управление.

Ниже он провел линию времени и начал расставлять вехи.

1552. Казань.

В реальной истории взятие Казани стало триумфом Ивана, но также и началом жестокой религиозной войны, череды восстаний и насильственной христианизации, которая связала огромные ресурсы государства на десятилетия.

Задача, написал Михаил, обводя слово жирной чертой. Избежать резни. Интеграция через торговлю и элиты, а не через меч. Нужны переводчики, школы, общие законы. Казань должна стать воротами на Восток, а не кровоточащей раной.

1553. Болезнь и измена.

Михаил остановился. Перо зависло над бумагой, и капля чернил, сорвавшись с кончика, оставила на листе черную кляксу. Это был первый, самый страшный перелом. В 1553 году настоящий Иван тяжело заболевает. Будучи на грани смерти, он потребует от бояр присягнуть своему младенцу-сыну Дмитрию. И бояры, во главе с Владимиром Старицким и даже неко-

торыми из Избранной рады, заколеблются. Они начнут интриговать, предпочитая взрослого Владимира Старицкого младенцу.

Иван выживет. Но он никогда не простит этого колебания. Именно в 1553 году в его душе поселится паранойя. Именно тогда он поймет, что окружающие его люди — не слуги, а предатели, ждущие его смерти.

Это корень опричнины, подумал Михаил. Если я не заболею, или если я обеспечу железобетонную систему престолонаследия до болезни, паранойя не получит почвы. Мне нужна постоянная, профессиональная армия и бюрократия, преданные не роду, а государству и закону.

Он вел стрелку дальше.

1556. Астрахань. Присоединение. Относительно легкое, но требующее контроля волжского пути.

1558. Ливонская война.

Михаил тяжело вздохнул. Ливонская война. Двадцатипятилетняя мясорубка, которая истощит страну, приведет к международной изоляции, сожжению Москвы Девлет-Гиреем и, в конечном итоге, к поражению. Иван ввязался в неё ради выхода к Балтике, недооценив силу коалиции противников.

Дипломатия, написал он. Торговые союзы. Если нужен флот, строить его на Белом море с англичанами, а не воевать со всей Европой сразу. Экономическое давление вместо военного.

Затем его рука дрогнула. Он дошел до даты, которая была для него самой болезненной.

1560. Смерть Анастасии.

В учебниках писали сухо: «царица скончалась от болезни». Но Иван был убежден, что её отравили бояре. Это убеждение стало спусковым крючком для опричного террора.

Михаил посмотрел на закрытую дверь палаты. За ней, в соседней комнате, спала его жена. Живая. Здоровая.

Она не должна умереть, яростно черкнул он на бумаге, вдавливая перо так, что оно чуть не сломалось. Медицина. Гигиена. Изоляция от дворовых интриг. Никаких стрессов. Если в Москве будет мор или смута — увозить её в тихую резиденцию, подальше от ядов и сплетен. Я должен создать вокруг неё непробиваемый щит.

1564. Опричнина.

Слово, от которого у любого историка начиналась мигрень. Разделение страны на две части. Государство в государстве. Террор, конфискации, массовые казни, разорение Новгорода. Это был акт абсолютного отчаяния человека, который решил, что единственный способ управлять страной — это держать её за горло.

Не допустить, написал Михаил. Опричнина — это симптом слабости государства, неспособности управлять законными методами. Если я создам работающий суд, прозрачную налоговую систему и эффективный сыскной приказ, подчиненный закону, а не личной прихоти, мне не понадобятся псы с метлами.

И, наконец, последняя точка. Та, о которой было страшно даже думать.

1581. Убийство царевича Ивана.

Михаил закрыл глаза. В его голове, непрошено, вспыхнула картина, яркая и омерзительная до тошноты. Он увидел не страницу учебника, а реальность. Тяжелый, окованный железом посох в своей руке. Лицо сына, искаженное гневом и страхом. Удар. Хруст. Крик невестки. И потом — бесконечный, разрывающий душу вой человека, который понял, что своими руками уничтожил свое будущее.

Тело Ивана отреагировало мгновенно.

Михаила бросило в жар. Сердце заколотилось где-то в горле. Правая рука, сжимавшая перо, начала непроизвольно дергаться, мышцы предплечья свело судорогой. Он почувствовал фантомный вес посоха в ладони, ощущение отдачи от удара о кость. Ему захотелось закричать,

разнести всё вокруг, схватить кого-нибудь за горло, чтобы заглушить этот чужой, но такой родной для этого тела ужас.

— Нет! — выдохнул он вслух, отшвыривая перо. Оно брызнуло чернилами, испачкав край стола.

Михаил встал, шатаясь, и уперся руками в стол, тяжело дыша. Пот градом катился по его лбу. Это была не просто память. Это была химия мозга, нейронные связи, которые еще не сформировались в реальности, но уже существовали в потенциале этого тела. Зверь, о котором он говорил Анастасии, жил здесь, в извилинах этого юного мозга, и ждал только повода, чтобы проснуться.

«Я не стану им, — мысленно повторил он, как мантру, глядя на свои дрожащие руки. — Я не стану им. Я сломаю этот сценарий. Я перепишу его».

Он заставил себя сесть. Вытер пот рукавом. Взял другое перо.

Под списком дат он написал заголовок: СИСТЕМА.

Чтобы противостоять хаосу и паранойе, ему нужна была система.

Закон выше воли. Судебник должен быть не набором советов, а жестким механизмом, который ограничивает самого царя.

Информация. Ему нужна сеть осведомителей, но не опричников, а профессиональных аналитиков, собирающих данные об экономике, настроениях, урожаях.

Образование. Нельзя управлять сложным государством с помощью полуграмотных воевод. Нужны школы. Нужны специалисты.

Экономика. Переход от натурального хозяйства и военных трофеев к торговле, мануфактурам и кредитам.

Михаил смотрел на исписанные листы. Это был бизнес-план по спасению России. Но это также был документ, за который в шестнадцатом веке его могли сжечь как колдуна или объявить сумасшедшим. Никто не должен этого видеть. Ни Адашев, ни Сильвестр, ни тем более бояре.

Он аккуратно собрал листы, свернул их в плотный свиток. Затем подошел к тяжелому, окованному серебром киоту в красном углу палаты. Там стояли богослужебные книги. Михаил достал толстый, переплетенный в телячью кожу Псалтырь, которым пользовался предыдущий царь. Он осторожно, с помощью ножа для разрезания бумаги, начал расслаивать толстую заднюю крышку переплета. Работа была кропотливой, требующей хирургической точности. Спустя полчаса он спрятал свиток внутрь кожаной прослойки и тщательно заклеил разрез рыбьим клеем, который нашел в ящике стола.

Теперь «Список будущих бед» был скрыт. Но Михаил знал, что главная опасность исходит не от бояр, которые могли найти эту бумагу. Главная опасность исходила от того, кто оставил записку на обгоревшем листе. От того, кто знал, что историю нельзя изменить бесплатно.

Кто-то еще был здесь. Кто-то, кто играл по своим правилам. И Михаил поклялся себе, что найдет этого призрака раньше, чем тот найдет его.

Глава 8. Первый совет

Грановитая палата была построена для того, чтобы подавлять. Её крестовые своды, опирающиеся на мощный центральный столп, золоченые фрески, изображающие библейских царей и русские победы, тяжелые, обитые бархатом лавки — всё здесь было создано, чтобы человек, входящий внутрь, чувствовал себя песчинкой перед лицом божественной и государственной власти.

Но сегодня Михаил сознательно нарушил протокол. Он не восседал на высоком тронном месте, возвышаясь над всеми. Он велел поставить обычный, длинный дубовый стол в центре палаты, а сам сел во главе его, наравне с другими. Этот жест не остался незамеченным. Бояре, входя в палату, обменивались настороженными взглядами. Для них нарушение иерархии пространства было сигналом о нарушении иерархии мира.

Собрались все, кто имел вес в государстве. По правую руку от Михаила сидел Алексей Адашев, его лицо было сосредоточенным и непроницаемым. Рядом — протопоп Сильвестр, перебиравший четки и смотревший на царя с смесью отцовской заботы и фанатичной строгости. Далее — дьяк Посольского приказа Иван Висковатый, человек с острым, цепким умом и безупречной памятью.

По левую руку расположилась знать: князь Михаил Воротынский, прославленный воевода, чье слово в военных делах было законом; молодой, но уже амбициозный князь Андрей Курбский, чей взгляд горел интеллектом и скрытым честолюбием; и старый князь Иван Мстиславский, представлявший консервативную, родовую оппозицию.

А в конце стола, на простых деревянных табуретах, сидели трое мужчин в суконных кафтанах. Это были выборные от московского посада: староста кузнецов, глава торговых людей и представитель стрелецких слобод. Их присутствие за одним столом с Рюриковичами и Гедиминовичами было неслыханным оскорблением традиций. Князь Мстиславский демонстративно отвернулся от них, словно боясь заразиться.

— Государь, — начал Висковатый, когда двери за спинами стражников закрылись. — Мы собрались по твоему указу для обсуждения уложения о новом порядке судов и прошений. Но бояре и люди служилые имеют вопросы.

Михаил кивнул. Он чувствовал на себе десятки глаз. Тело Ивана требовало властного окрика, требовало заставить их замолчать и принять его волю. Михаил подавил этот импульс, сделав медленный, глубокий вдох.

— Говорите, князь Иван, — обратился он к Мстиславскому.

Старый боярин поднялся, тяжело опираясь на посох.

— Государь, мы слышали о твоём намерении открыть Приказ жалоб, куда всякий смерд и посадский человек сможет писать доносы на своих господ и воевод. Но подумай, что ты делаешь? Ты подрываешь устои, на которых стоит Русская земля. Бог установил порядок: одни молятся, другие воют, третьи работают. Если ты дашь холопу право судиться с боярином, холоп возомнит себя равным боярину. Начнется смута. Люди перестанут знать своё место. Власть твоя держится на нашем авторитете. Уничтожив наш авторитет, ты уничтожишь и свою власть.

Речь Мстиславского была блестящей с точки зрения средневековой политической философии. Он бил в самую суть: страх перед хаосом, который был сильнее страха перед тиранией.

Михаил не стал сразу отвечать. Он посмотрел на Курбского.

— А что скажет князь Андрей? Ты много читаешь, ты знаешь историю Рима и Византии. Разве пал Рим от того, что плебеи получили трибунов?

Курбский вздрогнул от неожиданного вопроса. Его интеллектуальное тщеславие было задето.

— Рим пал от роскоши и потери добродетели, государь, — осторожно ответил он. — Но и от того, что легионы начали сами выбирать императоров. Если чернь получит слишком много голоса, она продаст государство тому, кто пообещает ей больше хлеба.

— Верно, — кивнул Михаил. — Но почему легионы выбирали императоров? Потому что сенат и патриции перестали заботиться о них. Потому что закон стал служить только богатым. Вы говорите о порядке. Но какой это порядок, когда воевода может отнять у купца двор, а судья — засечь невиновного, потому что ему не заплатили? Это не порядок. Это разбой. И когда разбой становится законом, народ начинает искать защиту не у закона, а у бунта. Вы помните московский пожар? Вы помните, как толпа шла сюда, в Воробьёво, с топорами?

В палате повисла тишина. Воспоминание о бунте было слишком свежим и страшным.

— Они шли не потому, что хотели разрушить порядок, — продолжил Михаил, повышая голос. — Они шли, потому что верили: правды больше нет. Приказ жалоб — это не право

смерда судиться с боярином. Это ухо государя, которое будет слушать землю. Если воевода вор, я должен узнать об этом от купца, а не ждать, пока купец подождет воеводский двор.

Мстиславский нахмурился:

— Но кто будет судить? Дьяки? Они продажны.

— Поэтому мы пишем новый Судебник, — вмешался Адашев, поддерживая царя. — Где за взятку дьяк лишится не только должности, но и чести. Где показания будут записываться и читаться вслух. Где пытка не будет первым доводом сыска.

— Бумага не заменит совести! — воскликнул Сильвестр, его глаза горели праведным огнем. — Ты хочешь заменить страх Божий страхом перед чернилами, государь!

— Страх Божий живет в душе, отче, — тихо, но твердо ответил Михаил. — А закон живет на площади. Я не могу заглянуть в душу каждому судье. Но я могу связать ему руки законом. Если мы не построим государство на бумаге, мы построим его на костях. И это будут наши кости.

Михаил достал из-под стола свернутый в трубку пергамент. Это был проект указа об учреждении Приказа государевых жалоб и новых правил городского строительства.

— Я не прошу вашего согласия, бояре, — сказал он, и в его голосе впервые зазвучала та самая, стальная властность, которой требовало тело Ивана. — Я сообщаю вам мою волю. С завтрашнего дня Приказ начинает работу. Возглавит его Алексей Адашев. Князь Курбский, ты будешь следить за тем, чтобы указы не нарушались воеводами на местах. Тебе я доверяю меч. А вам, — он кивнул на посадских, — я доверяю глаза. Вы будете знать, что творится на рынках и в слободах, и принесете это мне.

Посадские, до этого сидевшие как истуканы, зашевелились. Староста кузнецов несмело поднялся и поклонился в пояс.

— Государь... а коли боярин обидит, и мы принесем тебе весть... не выдашь ли ты нас ему на расправу?

Михаил посмотрел на Мстиславского, затем на старосту.

— Если кто-то тронет человека, принесшего правду, он будет судим как государев изменник. И казнен. Запиши это, Иван Висковатый.

Дьяк быстро заскрипел пером.

Совет длился еще три часа. Михаил безжалостно пресекал попытки увести разговор в сторону, используя свои знания о слабостях и тайных грехах присутствующих, чтобы мягко, но жестко шантажировать оппозицию. Он намекнул Мстиславскому на незаконные захваты земель в Рязанском уезде, заставив старика замолчать. Он пообещал Воротынскому новые полномочия в пограничных войсках, купив его лояльность. Он играл на них, как на инструментах, вызывая отвращение у своей собственной, современной совести, но понимая, что в этом веке идеализм стоил жизни.

Когда совет наконец разошелся, Михаил почувствовал себя выжатым лимоном. Голова раскалывалась.

Адашев задержался у двери, пропуская остальных.

— Ты сыграл жестоко, государь, — тихо сказал он. — Мстиславский этого не простит. Они начнут плести сети.

— Пусть плетут, — устало ответил Михаил, растирая виски. — Главное, чтобы они не забыли, кто держит ножницы. Иди, Алексей. Завтра первый день работы Приказа.

Когда Адашев ушел, в палату вошел молодой дьяк с подносом, на котором лежало несколько свернутых бумаг.

— Первые челобитные, государь. Принесли еще до рассвета, как только узнали о твоём указе.

Михаил кивнул, беря верхний свиток. Обычная жалоба на мытарей. Второй — спор о межевании земель.

Но когда он развернул третий лист, его сердце пропустило удар.

Бумага была дорогой, плотной. Но текст на ней был написан не вязью, не уставом. Буквы были выведены четким, почти печатным почерком, напоминающим современный шрифт. А язык...

Михаил вчитался, и кровь застыла в его жилах. Текст был стилизован под церковнославянский, но синтаксис был абсолютно современным.

«Ведомо буди тебе, пастырю стада сего. Зришь ли ты, как меняется русло реки? Но помни: вода, ушедшая в песок, вернется болотом. Ты спасаешь тех, чьи имена уже вписаны в Синодик опальных. Не пытайся обмануть Зерцало. Оно видит тебя, пришелец. Первый счет будет предъявлен завтра, когда загорится хлеб, что ты велел сберечь для бедных. История требует крови. И она её возьмет».

Внизу, вместо подписи, был нарисован простой, но узнаваемый символ. Символ, который Михаил видел на полях конспектов по квантовой механике у своего соседа по парте в университете. Символ бесконечности, перечеркнутый вертикальной чертой.

Михаил медленно опустил бумагу. Руки его не дрожали. Наоборот, наступило ледяное, абсолютное спокойствие.

Он был не один.

В этом времени был кто-то еще. Кто-то, кто знал его настоящее происхождение. Кто-то, кто хотел, чтобы Иван Грозный состоялся. Чтобы история пошла по кровавому, привычному руслу.

Завтра должны были открыться государственные хлебные амбары, его первое социальное начинание, призванное спасти Москву от голода. И этот неизвестный противник уже нанес удар.

Михаил скомкал челобитную и сунул её в рукав.

— Позови ко мне начальника стрелецкого приказа, — бросил он дьяку, и голос его прозвучал так властно и страшно, что дьяк отшатнулся. — И вели седлать коней. Мы едем к амбарам.

Война с историей началась. И первый ход был не за ним.

Глава 9. Приказ государевых жалоб

Для Приказа государевых жалоб Михаил выбрал здание, которое само по себе было символом перемен. Это был бывший двор опального дьяка, казнённого за взятки ещё при отце Ивана, Василии III. Дом стоял недалеко от Красной площади, в стороне от главных боярских хором, и был достаточно просторен, чтобы вместить поток людей, который Михаил ожидал увидеть.

Накануне открытия, поздним вечером, он сам обошёл все помещения. Большой зал с длинными столами для приёма челобитчиков. Несколько малых палат для допросов и разборов. Архив с полками, которые ещё предстояло заполнить. И отдельная, небольшая комната с зарешённым окном — для тех, кого нужно было защитить от мести влиятельных ответчиков.

Адашев ждал его во дворе, освещённом факелами.

— Люди ропшут, государь, — сказал он без предисловий. — Не посадские. Наши. Дьяки из старых приказов. Говорят, ты заводишь вторую Разбойную избу, только без права пытаться.

— Они боятся, что их самих начнут судить, — ответил Михаил. — Пусть боятся.

— Но кто будет работать? Старые дьяки обиделись, что их обошли. Новых ты взять не можешь — их просто нет. Грамотных людей в Москве мало, а честных и того меньше.

— Найдем, — сказал Михаил. — Завтра увидим.

Он ошибся. Завтра он увидел не просто людей. Он увидел Россию.

Ещё до рассвета у ворот Приказа начала собираться толпа. Сначала робко, по двое-трое. Потом сотнями. К полудню площадь перед зданием превратилась в море голов, кафтанов, плат-

ков. Люди стояли молча, терпеливо, как стоят в очереди за хлебом в голодный год. Но здесь они стояли за чем-то, чего в этой стране никогда не было — за правом быть услышанными.

Михаил наблюдал за этим из окна второго этажа, и у него перехватывало горло. В учебниках «народ» был абстракцией. Этнографической массой. Объектом налогообложения и рекрутских наборов. Здесь, внизу, были конкретные люди. Старик с изуродованным лицом, которому наместник выколол глаз за неуплату подати. Женщина с тремя детьми, чей двор отписали боярину за «недостачу» зерна, которого у неё никогда не было. Купец, которого избили и ограбили стрельцы на большой дороге, и которому некуда было пожаловаться, потому что голова стрелецкого приказа был кумом обидчиков.

Адашев спустился к нему, держа в руках стопку исписанных листов.

— Первые сто семьдесят жалоб, государь. И это только те, кто сумел написать или нашел писаря. Остальные ждут устной подачи.

— Читай, — сказал Михаил, садясь за стол.

Адашев начал читать. И с каждой жалобой лицо его становилось всё мрачнее.

— Муромский уезд. Воевода князь Шаховской. За три года правления взял с посада в шесть раз больше положенного. Людей, пытавшихся жаловаться в Москву, перехватывали на дорогах и сажали в поруб.

— Кострома. Судья Третьяк Бельский. Решает дела в пользу того, кто больше принесёт. За последний год разорил семь дворов.

— Ярославль. Таможенники берут пошлину дважды — на въезде и на выезде. Купцы из Нижнего уже перестали ездить на ярмарку.

— Углич. Наместник держит у себя во дворе частных холопов, которых похищает из окрестных деревень для домашних работ.

Михаил слушал, закрыв глаза. Это была не Россия из монографий. Это была страна, где произвол был не исключением, а правилом. Где закон существовал только на бумаге, а реальная власть принадлежала тому, у кого было больше людей и меньше совести.

— Алексей, — тихо спросил он, — ты знал об этом?

Адашев опустил бумаги.

— Знал, государь. Все знают. Но что мы могли сделать? Наместники — люди знатные. Их нельзя трогать без твоего указа. А указы... Указы писались, но исполнялись только там, где было выгодно боярам.

— Теперь будет иначе, — сказал Михаил. — Веди первого.

Первым оказался тот самый старик с выколотым глазом. Его звали Еремей. Он пришёл из Мурома пешком, потому что на лошадь не было денег, а попутных возов боялся — люди воеводы искали беглецов.

Еремей долго не мог начать говорить. Он падал на колени, бил челом, плакал. Михаилу пришлось самому поднять его и усадить на лавку.

— Расскажи, дядя, — сказал он как можно мягче. — Здесь тебя никто не тронет.

История Еремея была проста и страшна. Он был зажиточным крестьянином, имел свой двор, двух лошадей, корову. Воевода Шаховской потребовал от него двойную подать — якобы за «старые долги» его покойного отца. Еремей отказался, зная, что никаких долгов нет. Тогда люди воеводы пришли ночью, сожгли его амбар с зерном, а его самого избили и выкололи глаз, «чтобы не смотрел косо на государевых слуг».

— А что сказал судья? — спросил Михаил.

— Судья, батюшка-государь, сказал, что я сам себя ослепил, чтобы не служить в войске. И велел платить ещё и за увечье.

Михаил посмотрел на Адашева. Тот уже писал указ.

— Гонец в Муром, — сказал Михаил. — Немедленно. Воеводу Шаховского — под стражу. Судью — в Москву, на разбор. Зерно Еремее вернуть из воеводских закромов. Двор

восстановить силами земских людей. И чтобы через месяц я получил отписку, что всё исполнено.

Когда Еремея увели, Адашев тихо сказал:

— Государь, Шаховской — свояк Мстиславского. Это будет воспринято как объявление войны старым родам.

— Пусть воспринимается, — ответил Михаил. — Если мы не начнем с самых одиозных, нам не поверят. А если поверят — не испугаются.

В течение следующих двух недель Приказ работал с утра до ночи. Дьяки падали от усталости. Писцы писали до судорог в пальцах. Михаил сам разбирал самые сложные дела, вникая в детали, которые ввергали его в ужас.

Он узнал, что в некоторых уездах крестьяне платили «поминки» — взятки наместнику просто за то, чтобы он не трогал их лишний раз. Узнал, что суды часто проходили без обвиняемого, которого просто не уведомляли о времени разбора. Узнал, что пытки применялись не для установления истины, а для получения нужных показаний — «сознательных речей», которые затем переписывались набело.

Но самым страшным открытием было другое. Среди сотен жалоб на произвол, на взятки, на насилие, почти не было жалоб на законы. Люди не оспаривали саму систему — они хотели, чтобы система работала честно. Они не мечтали о свободе — они мечтали о справедливости в рамках существующего порядка.

Это одновременно и облегчало задачу Михаила, и делало её невыносимой. Ему не нужно было разрушать старый мир до основания. Ему нужно было всего лишь заставить его работать так, как он был задуман. Но даже это казалось невозможным, потому что система была прогнившей насквозь.

На третью неделю произошёл инцидент, который заставил Михаила понять, что война переходит в новую фазу.

В Приказ пришёл человек в богатом кафтане, с явными признаками дворянского происхождения. Он не стал ждать очереди, прошёл прямо в палату разбора и бросил на стол перед Адашевым свиток.

— Я князь Андрей Петрович Оболенский. Я требую, чтобы это дело было закрыто.

Адашев развернул свиток. Это была жалоба на самого Оболенского от его собственных холопов, которые обвиняли его в убийстве дворового человека.

— Князь, — спокойно сказал Адашев, — по указу государя все дела разбираются по порядку. Твоя жалоба будет рассмотрена, когда придёт черёд.

— Ты что, не понял? — Оболенский ударил ладонью по столу. — Я не буду стоять в очереди с холопами! Это мое право — судиться равным перед равным, а не перед быдлом!

— Твоё право, князь, — раздался голос от двери, — заканчивается там, где начинается закон.

Михаил вошёл в палату. Он был в простом кафтане, без царских регалий, и Оболенский на мгновение его не узнал. Потом узнал — и побледнел.

— Государь... Я не ведал, что ты здесь...

— Теперь ведаешь, — сказал Михаил. — Садись. Жди очереди. И если ты ещё раз повысишь голос на моего дьяка, ты будешь судим не за убийство холопа, а за оскорбление государева приказа. Это потяжелее будет.

Оболенский сел. И ждал четыре часа, пока его дело не начали разбирать. К вечеру он вышел лично подписал указ о конфискации половиныатного имения кня его в ведение земского старосты для выплаты компенсации родствен убитого.

Этот случай стал известен по всей Москве. И после него поток жалоб увеличился вдвое. Люди поняли: это не очередная временная милость. Это новый порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.